

255. НЕКОТОРЫЕ ИРАНСКИЕ АКТИВЫ (ИСЛАМСКАЯ РЕСПУБЛИКА ИРАН против СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ)

Краткое изложение Решения от 30 марта 2023 года

30 марта 2023 года Международный Суд вынес Решение по делу *Некоторые иранские активы* (Исламская Республика Иран против Соединенных Штатов Америки).

Состав Суда: Вице-Председатель Геворгян, и. о. Председателя; судьи Томка, Абраам, Беннуна, Юсуф, Сюэ, Себутинде, Бхандари, Робинсон, Салам, Ивасава, Нольте, Чарлзуорт; судьи *ad hoc* Баркетт, Момтаз; Секретарь Готье.

*

* *

I. *Обстоятельства дела* (пп. 21–32)

Суд начинает с изложения обстоятельств дела, которое было возбуждено 14 июня 2016 года Исламской Республикой Иран (далее именуемой «Иран» или «Заявитель») против Соединенных Штатов Америки (далее именуемые «Соединенные Штаты» или «Ответчик») в связи со спором, касающимся предполагаемых нарушений Соединенными Штатами Договора о дружбе, экономических отношениях и консульских правах, который был подписан этими двумя государствами в Тегеране 15 августа 1955 года и вступил в силу 16 июня 1957 года (далее именуемый «Договор о дружбе» или «Договор», денонсированный Соединенными Штатами 3 октября 2018 года).

Суд напоминает, что в 1984 году Соединенные Штаты в соответствии со своим внутренним законодательством включили Иран в список «государств — спонсоров терроризма», в котором Иран фигурирует до сих пор. Затем Соединенные Штаты приняли ряд законодательных, исполнительных и судебных мер, которые, по утверждению Ирана, нарушают Договор о дружбе и постоянно наносят Ирану и иранским организациям серьезный ущерб.

Что касается рассматриваемых мер, то Суд напоминает, что в 1996 году Соединенные Штаты внесли в свой закон об иммунитетах иностранных суверенов поправки, предусматривающие возможность в определенных случаях лишать государства, внесенные в список «государств — спонсоров терроризма», иммунитета от судебного преследования в судах Соединенных Штатов. Затем в суды Соединенных Штатов стали поступать иски против Ирана о возмещении ущерба, возникшего в связи с гибелью и ранением людей в результате действий, которые якобы совершались при поддержке, в том числе финансовой, со стороны Ирана. В 2002 году в Соединенных Штатах был принят закон о страховании от террористической угрозы, согласно которому разрешается принимать определенные меры по обеспечению исполнения судебных решений, вынесенных в соответствии с поправкой 1996 года к закону об иммунитетах иностранных суверенов. Впоследствии Соединенные Штаты внесли в закон об иммунитетах иностранных суверенов дополнительные поправки, и в 2012 году президент Соединенных Штатов издал президентский указ № 13599, согласно которому блокировались все активы правительства Ирана, включая активы банка «Маркази» (Центральный банк Ирана) и других иранских финансовых учреждений, находящиеся на территории Соединенных Штатов либо «во владении или под контролем любого лица Соединенных Штатов, включая любой иностранный филиал».

Суд далее напоминает, что после принятых Соединенными Штатами законодательных и исполнительных мер суды Соединенных Штатов вынесли в отношении государства Иран и, в некоторых случаях, в отношении иранских государственных компаний множество заочных решений и решений, касающихся возмещения значительного ущерба. Кроме того, против активов Ирана и некоторых иранских организаций, в том числе банка «Маркази», в Соединенных Штатах и других странах либо возбуждено исполнительное производство по ряду дел, либо эти активы уже распределены между кредиторами на основании судебного решения.

II. Вопросы юрисдикции и приемлемости (пп. 33–73)

Суд напоминает далее, что в своем Решении 2019 года (см. Краткое изложение 2019/1), он вынес решение по нескольким возражениям против юрисдикции и приемлемости, выдвинутым Соединенными Штатами в предварительном порядке. Суд отмечает, что на данном этапе разбирательства ему еще предстоит рассмотреть два возражения.

*A. Возражение против юрисдикции Суда *ratione materiae*: вопрос о том, является ли банк «Маркази» «компанией» по смыслу Договора о дружбе (пп. 34–54)*

Первое возражение касается вопроса о том, является ли банк «Маркази» «компанией» по смыслу Договора о дружбе. Правами и защитой, гарантируемыми статьями III, IV и V этого документа, действительно могут пользоваться «граждане» (термин, используемый в Договоре для обозначения физических лиц) и «компаний».

Суд отмечает в этой связи, что единственным аргументом, который приводит Иран в поддержку идеи о том, что банк «Маркази» подпадает под определение «компаний», является приобретение в период с 2002 года по 2007 год 22 дематериализованных облигаций, выпущенных на финансовом рынке Соединенных Штатов, и управление доходами, полученными от этих облигаций. По мнению Суда, этих операций недостаточно для того, чтобы заключить, что банк «Маркази» в соответствующий период занимался деятельностью коммерческого характера. Данные операции действительно проводились в рамках и в целях основной деятельности банка «Маркази», от которой они неотделимы. Они являются не одним из видов коммерческой деятельности, которым занимается банк «Маркази» «наряду с осуществлением [своих] суверенных функций», а всего лишь одним из способов осуществления суверенной функции центрального банка.

На основании этого Суд заключает, что банк «Маркази» не может считаться «компанией» по смыслу Договора о дружбе. Следовательно, возражение против юрисдикции, выдвинутое Соединенными Штатами в отношении претензий Ирана, касающихся предполагаемых нарушений статей III, IV и V Договора о дружбе и основанных на том, какой режим был предоставлен банку «Маркази», должно быть принято, и Суд заключает, что он не обладает юрисдикцией для рассмотрения этих претензий.

B. Возражение против приемлемости на основании неисчерпания внутренних средств правовой защиты (пп. 55–73)

Суд далее обращается к вопросу о том, следует ли, как утверждают Соединенные Штаты, отклонить претензии Ирана на том основании, что Заявитель не исчерпал внутренние средства правовой защиты до обращения в Суд.

Суд напоминает, что, согласно обычному международному праву, прежде чем предъявлять международный иск от имени одного или нескольких своих граждан на основании дипломатической защиты, государство должно исчерпать внутренние средства правовой защиты. Он добавляет, что это требование считается выполненным, если пострадавшим недоступны внутренние средства правовой защиты, обеспечивающие разумную возможность получить возмещение.

Суд отмечает, что в данном деле каждый раз, когда иранская организация пыталась добиться отмены судом положения федерального законодательства на том основании, что оно противоречит правам, которыми пользуется эта организация в соответствии с Договором о дружбе, суд, установив, что рассматриваемое положение не противоречит Договору, ссылаясь на судебную практику, согласно которой суды в любом случае обязаны применять федеральный закон, если он был принят после заключения договора (что относится к положениям, рассматриваемым в данном разбирательстве). С учетом того что оспариваемые меры имеют законодательный характер и что при этом, согласно судебной практике Соединенных Штатов, федеральный закон имеет примат над договором, заключенным до его принятия, Суду представляется, что в обстоятельствах настоящего дела у указанных компаний не было разумной возможности успешно отстаивать свои права в судебных разбирательствах в Соединенных Штатах.

На этом основании Суд заключает, что возражение против приемлемости на основании неисчерпания внутренних средств правовой защиты не может быть принято.

III. Возражения по существу, выдвинутые Соединенными Штатами (пп. 74–109)

Прежде чем рассматривать предполагаемые нарушения Договора о дружбе, о которых заявляет Иран, Суд считает целесообразным сначала рассмотреть три возражения по существу, выдвинутые Соединенными Штатами.

A. Возражение, основанное на доктрине «чистых рук» (пп. 76–84)

Первое возражение, выдвинутое Соединенными Штатами, заключается в том, что заявление Ирана неприемлемо, поскольку Иран обратился в Суд с «нечистыми руками».

Суд отмечает, что в международных спорах часто приводят аргумент, основанный на доктрине «чистых рук», однако органы, на рассмотрение которых предъявляют такой аргумент, принимают его довольно редко. Сам Суд никогда не считал, что данная доктрина является частью обычного международного права или представляет собой один из общих принципов права.

В любом случае Суд отмечает, что, по мнению самого Ответчика, для того чтобы доктрина «чистых рук» была применима в том или ином деле, должны быть соблюдены как минимум несколько условий. Два из этих условий заключаются в следующем: заявителем или от его имени было совершено правонарушение или проступок; и существует «связь между правонарушением или проступком и претензиями, предъявляемыми государством-заявителем». По мнению Суда, между противоправными действиями, вменяемыми Ирану Соединенными Штатами, и претензиями Ирана, которые основаны на предполагаемом нарушении «Договора о дружбе, экономических отношениях и консульских правах», в любом случае не существует достаточно тесной связи.

Поэтому Суд считает, что возражение по существу, основанное на доктрине «чистых рук», не может быть принято.

В. Возражение, основанное на доктрине злоупотребления правами (пп. 85–93)

Далее Суд рассматривает второе возражение, которое было выдвинуто Соединенными Штатами и согласно которому Иран, пытаясь применить положения Договора о дружбе к мерам, которые, по их мнению, не имеют отношения к торговле, совершает злоупотребление правами и пытается сделать это исключительно для того, чтобы обойти возложенное на него обязательство выплатить репарации жертвам своих действий.

Суд считает, что он мог бы согласиться с возражением, основанным на доктрине злоупотребления правами, только в том случае, если бы Ответчик привел убедительные доказательства того, что Заявитель пытается осуществлять права, предоставленные ему Договором о дружбе, в целях, отличных от тех, для которых были установлены рассматриваемые права, и что он делает это в ущерб Ответчику.

Однако Суд считает, что Соединенные Штаты не смогли привести такие доказательства. На основании Суд заключает, что он не может принять данное возражение.

С. Пункты 1 с) и d) статьи XX Договора о дружбе (пп. 94–109)

Наконец, Суд переходит к рассмотрению третьего возражения по существу. Соединенные Штаты ссылаются на пункты 1 с) и d) статьи XX Договора о дружбе (положения которого приводятся в пункте 96 Решения), требуя, чтобы Суд отклонил все претензии Ирана относительно того, что меры, принятые Соединенными Штатами в соответствии с президентским указом № 13599, нарушают положения Договора о дружбе, на основании того, что такие претензии не относятся к его юрисдикции.

1. Пункт 1 с) статьи XX, (пп. 99–103)

Что касается пункта 1 с), то Суд напоминает, что президентский указ № 13599 был издан с целью заблокировать все активы правительства Ирана и иранских финансовых учреждений, находящиеся на территории Соединенных Штатов либо «во владении или под контролем любого лица Соединенных Штатов, включая любой иностранный филиал».

Суд считает, что условия пункта 1 с) статьи XX Договора о дружбе в их обычном значении и в свете объекта и цели Договора не могут распространяться ни на какие меры, кроме тех, которые, по замыслу стороны Договора, предназначены для регулирования ее собственного производства или ее собственного оборота оружия или для регулирования экспорта оружия другой стороне или импорта оружия с территории другой стороны. По мнению Суда, на это положение нельзя ссылаться для оправдания принимаемых стороной мер, которые могут ущемлять права, предусмотренные Договором, и которые направлены исключительно на то, чтобы оказать косвенное воздействие на производство оружия и торговлю им другой стороной или на территории другой стороны. На основании этого Суд заключает, что возражение Соединенных Штатов не может быть принято.

2. Пункт 1 d) статьи XX, (пп. 104–109)

Что касается пункта 1 d), то Суд считает, что Соединенные Штаты должны были доказать, что указ № 13599 является одной из мер, необходимых для защиты их существенных интересов безопасности, и что они не предъявили убедительных доказательств в поддержку этой идеи. Даже если допустить, что Ответчик обладает определенной степенью свободы усмотрения, Суд не может

довольствоваться его утверждениями. На основании этого Суд заключает, что возражение не может быть принято.

IV. Предполагаемые нарушения Договора о дружбе (пп. 110–223)

Затем Суд рассматривает предполагаемые нарушения Соединенными Штатами своих обязательств по Договору о дружбе.

A. Предполагаемые нарушения пункта 1 статьи III и пункта 1 статьи IV (пп. 123–159)

Суд начинает с рассмотрения сферы охвата обязательства, установленного в первом предложении пункта 1 статьи III Договора, которое гласит, что «[ю]ридический статус компаний, учрежденных в соответствии с применимыми законами и правилами одной из Высоких Договаривающихся Сторон, признается на территории другой Высокой Договаривающейся Стороны». Он отмечает, что разногласия Сторон связаны со значением формулировки «[ю]ридический статус [...] признается».

Суд напоминает, что в своем Решении 2019 года он рассмотрел определение термина «компания». С учетом этого примера судебной практики Суд считает, что под выражением «юридический статус» понимается собственная правосубъектность компаний и что признание собственной правосубъектности компании означает, что эта компания существует в правовом смысле как субъект, отличный от других физических или юридических лиц, включая государства. Однако, по мнению Суда, из этого не следует, что такая компания всегда будет пользоваться таким же правовым положением, как и в государстве, в котором она была учреждена.

В настоящем деле тот факт, что компании, предположительно затронутые мерами Соединенных Штатов, были учреждены в соответствии с иранским законодательством как самостоятельные юридические лица, обладающие собственной правосубъектностью, не оспаривается. Стороны расходятся во мнениях относительно того, игнорировали ли Соединенные Штаты правосубъектность компаний, принимая свои законодательные, исполнительные и судебные меры, и было ли это оправданно.

По мнению Суда, обязательство по пункту 1 статьи III не всегда считается выполненным по факту явки этих компаний на внутреннее судебное разбирательство и участия в нем. Поэтому он принимает решение изучить все соответствующие меры с целью установить, игнорировали ли Соединенные Штаты правосубъектность иранских компаний, и если да, то было ли это оправданно.

Суд рассматривает эти вопросы в контексте изучения претензий Ирана по пункту 1 статьи IV Договора о дружбе, призванному «определить, каким режимом пользуются соответствующие физические и юридические лица на территории соответствующего государства при осуществлении своей частной или профессиональной деятельности». Суд считает, что при добросовестном толковании в соответствии с обычным значением, которое следует придавать терминам пункта 1 статьи IV в их контексте, очевидно, что этот пункт предусматривает три различных обязательства.

Что касается первого положения этого пункта, которое гласит, что «[к]аждая Высокая Договаривающаяся Сторона всегда обеспечивает справедливый и равноправный режим для граждан и компаний другой Высокой Договаривающейся Стороны, а также для их имущества и предприятий», то Суд прежде всего отмечает, что Стороны согласны с тем, что это обязательство включает защиту от отказа в правосудии. Он считает, что в данном случае иранские

компании не были ограничены в правах выступать в судах Соединенных Штатов, представлять юридические материалы и подавать апелляции. Принятие законодательных положений, предусматривающих запрет пользоваться средствами правовой защиты, доступными обладателям самостоятельной правосубъектности, и их непосредственное применение судами сами по себе не представляют серьезного нарушения в отправлении правосудия, равносильного отказу в правосудии.

Что касается второй части, которая предусматривает, что «[к]аждая Высокая Договаривающаяся Сторона... воздерживается от применения необоснованных или дискриминационных мер, которые ущемляли бы законно приобретенные права и интересы [граждан и компаний другой Высокой Договаривающейся Стороны]», то Суд отмечает, что есть нечто общее между защитой от «необоснованных или дискриминационных мер» и более широкой нормой о «справедливом и равноправном режиме», о которой говорилось ранее. Ссылаясь на свою практику, Суд считает, что термины «необоснованный» и «дискриминационный» отражают два разных критерия, по которым можно отдельно оценивать поведение государства.

Поэтому Суд начинает с рассмотрения вопроса о том, являются ли меры, принятые Соединенными Штатами и оспариваемые Ираном, «необоснованными». По мнению Суда, мера является необоснованной по смыслу Договора о дружбе, если она не отвечает определенным условиям. Во-первых, мера является необоснованной, если ее принятие не отвечает никаким законным общественным целям. В настоящем деле Соединенные Штаты утверждают, что законодательные положения, оспариваемые Ираном, а также судебные решения, основанные на этих положениях, имели целью обеспечить предоставление компенсаций жертвам «террористических актов», ответственность за которые по решению судов Соединенных Штатов была возложена на Иран. По общему правилу, предоставление эффективных средств правовой защиты истцам, которым было присуждено возмещение ущерба, может представлять собой законную общественную цель. Кроме того, мера является необоснованной, если отсутствует надлежащая связь между преследуемой целью и принятой мерой. Наложение ареста и обращение взыскания на имущество ответчика, признанного национальными судами виновным в нарушении, в целом могут рассматриваться как имеющие надлежащую связь с целью обеспечения компенсации истцам. Также мера является необоснованной, если ее негативное воздействие чрезмерно сурово в контексте преследуемой цели. Суд отмечает, что в настоящем деле при принятии рассматриваемых законодательных мер (а именно, пункт *a*) статьи 201 закона о страховании от террористической угрозы и пункт *g*) 1) статьи 1610 закона об иммунитетах иностранных суверенов) явно и преднамеренно игнорировалась правосубъектность иранских компаний и что эти же положения применялись судами Соединенных Штатов в нескольких исполнительных производствах с участием иранских компаний. Суд напоминает, что «поднятие корпоративной завесы» или «игнорирование статуса юридического лица» могут быть оправданными и справедливыми в определенных обстоятельствах или при достижении определенных целей. Однако в обстоятельствах настоящего дела правосубъектностью иранских компаний пренебрегли при описанных выше условиях в контексте судебных решений о возложении ответственности, вынесенных по делам, в рассмотрении которых эти компании не могли участвовать, и в отношении фактов, к которым эти компании, как представляется, не были причастны. Суд считает, что игнорирование статуса юридического лица в таких обстоятельствах неоправданно. На этом основании Суд заключает, что законодательные и судебные меры являлись необоснованными и были приняты в нарушение обязательства, предусмотренного пунктом 1 статьи IV Договора о дружбе. Что касается

президентского указа № 13599, то Суд отмечает, что он, очевидно, был принят не для того, чтобы обеспечить предоставление компенсации истцам, которым удалось добиться удовлетворения их гражданских исков против Ирана. Поскольку президентский указ № 13599 охватывает «[в]се имущество и доли в имуществе любого иранского финансового учреждения», он является чрезмерно суровым в контексте преследуемой цели. Соответственно, Суд заключает, что эта мера также необоснованна и принята в нарушение обязательства по пункту 1 статьи IV.

Поскольку во второй части пункта 1 статьи IV Договора о дружбе, где говорится о защите от «необоснованных» или «дискриминационных» мер, используется разделительный союз «или», мера считается принятой в нарушение установленного обязательства, если она не отвечает хотя бы одному из этих критериев. Поскольку Суд заключил, что меры, принятые Соединенными Штатами, являются «необоснованными», нет необходимости отдельно рассматривать вопрос о том, являются ли они «дискриминационными».

Таким образом, определив, что при принятии этих мер Соединенными Штатами игнорировалась правосубъектность иранских компаний и что это не было оправданно, Суд также заключает, что Соединенные Штаты нарушили свое обязательство признавать юридический статус иранских компаний в соответствии с пунктом 1 статьи III.

В. Предполагаемые нарушения пункта 2 статьи III (пп. 160–168)

Далее Суд переходит к рассмотрению предполагаемых нарушений пункта 2 статьи III Договора о дружбе, который, в частности, предусматривает, что

«[г]раждане и компании одной Высокой Договаривающейся Стороны имеют свободный доступ к судам и административным органам на территории другой Высокой Договаривающейся Стороны на всех уровнях судебной системы как для защиты своих прав, так и для их осуществления в целях оперативного и беспристрастного отправления правосудия».

Суд считает, что существует четкое различие между свободой доступа к судам в целях отстаивания прав и содержанием материальных или процессуальных прав, на которые можно ссылаться в судах. По его мнению, формулировка «в целях оперативного и беспристрастного отправления правосудия» отражает цель, ради которой Договаривающиеся Стороны Договора признали свободу доступа своих граждан и компаний к судам и административным органам. Сама по себе она не гарантирует никаких процессуальных или материальных прав и никоим образом не расширяет «свободу доступа», предусмотренную в пункте 2 статьи III.

Суд уже отметил, что с учетом обстоятельств настоящего дела иранские компании не были ограничены в правах выступать в судах Соединенных Штатов, представлять юридические материалы и подавать апелляции. Он обращает внимание на то, что применение судами Соединенных Штатов неблагоприятных для иранских компаний законодательных положений и то, что аргументация компаний, выстроенная на основе Договора о дружбе, не привела к желаемому результату, имеют отношение к материальным правам компаний и что это не является поводом подвергать сомнению ни «свободу доступа», которой пользуются компании, ни цель «оперативного и беспристрастного отправления правосудия» по смыслу пункта 2 статьи III Договора о дружбе. На этом основании Суд заключает, что Иран не доказал, что Соединенные Штаты нарушили свои обязательства по пункту 2 статьи III Договора о дружбе.

С. Предполагаемые нарушения пункта 2 статьи IV (пп. 169–192)

Далее Суд рассматривает предполагаемые нарушения пункта 2 статьи IV Договора о дружбе. Он отмечает, что Стороны согласны с тем, что в этом положении содержатся две отдельные нормы. В соответствии с первой устанавливается обязательство каждой Договаривающейся Стороны обеспечивать постоянную максимальную защиту и безопасность имущества и долей в имуществе граждан и компаний другой Договаривающейся Стороны. Вторая касается изъятия или экспроприации имущества.

Обращаясь к этой второй норме, Суд отмечает, что Стороны не оспаривают, что в результате применения судами Соединенных Штатов пункта *a)* статьи 201 закона о страховании от террористической угрозы или пункта *g)* 1) статьи 1610 закона об иммунитетах иностранных суверенов накладывался арест и обращалось взыскание на имущество и доли в имуществе иранских компаний. Не вызывает сомнений и то, что эти активы либо были переданы истцам, в пользу которых суды Соединенных Штатов вынесли решение, признав Иран виновным в нарушениях, либо были распределены между такими истцами. Не оспаривается и то, что соответствующие иранские компании не получили никаких платежей. Однако Суд считает, что судебное решение, предписывающее наложить арест и обратить взыскание на имущество или доли в имуществе, само по себе не представляет собой ни решение об изъятии, ни решение об экспроприации этого имущества. Для того чтобы считать такое решение решением об экспроприации, которая подлежит возмещению, необходимо наличие конкретного элемента незаконности в контексте этого решения.

Суд отмечает, что Стороны расходятся во мнениях относительно того, имеет ли какое-либо отношение к пункту 2 статьи IV доктрина «полицейских полномочий». Суд считает, что предусмотренный в этом пункте запрет на изъятие не ущемляет право Договаривающихся Сторон на регулирование. В международном праве давно признано, что добросовестное недискриминационное осуществление правительством определенных регулирующих полномочий, направленных на защиту законного общественного благосостояния, не считается экспроприацией и не предполагает выплаты возмещения. Однако полномочия правительства в этом отношении не безграничны.

Суд уже заключил, что в обстоятельствах настоящего дела пункт *a)* статьи 201 закона о страховании от террористической угрозы и пункт *g)* 1) статьи 1610 закона об иммунитетах иностранных суверенов, а также их применение судами Соединенных Штатов представляли собой необоснованные меры, принятые в нарушение обязательства, предусмотренного пунктом 1 статьи IV Договора о дружбе (см. выше). Одним из соображений, исходя из которых ограничивается осуществление полномочий правительства в этом отношении, является обоснованность. Было установлено наличие этого элемента необоснованности в законодательных положениях, а также в их применении в судебной практике, следовательно, принятые Соединенными Штатами меры не являлись законным осуществлением регулятивных полномочий и представляли собой экспроприацию, которая подлежит возмещению.

По этой причине Суд заключает, что применение судами Соединенных Штатов пункта *a)* статьи 201 закона о страховании от террористической угрозы и пункта *g)* 1) статьи 1610 закона об иммунитетах иностранных суверенов равносильно изъятию имущества и долей в имуществе указанных ранее иранских компаний без возмещения в нарушение обязательств по пункту 2 Статьи IV Договора.

Ситуация с президентским указом № 13599 обстоит иначе. Иран не смог установить, какое имущество или какие доли в имуществе иранских компаний были конкретно затронуты президентским указом № 13599. Суд считает, что в случае с этим президентским указом Иран не обосновал свои утверждения относительно изъятия имущества, выдвинутые на основании пункта 2 статьи IV Договора.

Затем Суд переходит к рассмотрению претензий Ирана в связи с неисполнением обязательства обеспечивать постоянную максимальную защиту и безопасность. Суд считает, что суть этого обязательства заключается в защите имущества от физического ущерба. В этой связи он отмечает, что в настоящем деле утверждение Ирана заключается не в том, что Соединенные Штаты не смогли защитить имущество иранских граждан и компаний от физического ущерба, а в том, что они не смогли обеспечить правовую защиту этого имущества. По мнению Суда, если норма о постоянной максимальной защите и безопасности будет толковаться как включающая правовую защиту, то эта норма и норма о справедливом и равноправном режиме будут в значительной степени пересекаться друг с другом. Заключив, что Соединенные Штаты приняли указанные меры в нарушение своих обязательств по пункту 1 статьи IV, Суд считает, что положения пункта 2 статьи IV, касающиеся постоянной максимальной защиты и безопасности, не были предназначены для применения к ситуациям, охватываемым положениями пункта 1 статьи IV. Соответственно, Суд заключает, что Иран не доказал, что Соединенные Штаты нарушили свои обязательства по пункту 2 статьи IV в том, что касается постоянной максимальной защиты и безопасности.

На основании своих выводов в отношении принятых Соединенными Штатами мер Суд заключает, что Соединенные Штаты нарушили свои обязательства по пункту 2 статьи IV Договора о дружбе в части, касающейся запрета на изъятие, кроме как для общественных целей и со своевременной выплатой справедливой компенсации.

D. Предполагаемые нарушения пункта 1 статьи V (пп. 193–201)

Далее Суд переходит к рассмотрению предполагаемых нарушений пункта 1 статьи V Договора о дружбе. В этой связи он отмечает, что Иран утверждает, что из-за принятых Соединенными Штатами мер иранские компании лишились права распоряжаться своим имуществом по смыслу подпункта 1 с).

Суд считает, что формулировка первого предложения пункта 1 статьи V устанавливает права граждан и компаний Договаривающихся Сторон на аренду имущества для проживания или ведения коммерческой деятельности, на покупку или приобретение каким-либо иным образом личного имущества, а также на распоряжение имуществом. Эти права не влекут за собой абсолютных обязательств для Договаривающихся Сторон. Договаривающиеся Стороны могут осуществлять свои регулирующие полномочия в отношении таких актов аренды и приобретения имущества или распоряжения им.

Суд отмечает, что утверждения Ирана относительно права иранских компаний распоряжаться имуществом в соответствии с пунктом 1 статьи V основаны на той же совокупности фактов, что и его претензии в отношении нарушения пункта 2 статьи IV. Суд уже заключил, что принятые Соединенными Штатами меры равносильны изъятию без возмещения. По мнению Суда, меры, которые равносильны изъятию без возмещения, не относятся к той разновидности мер, на которые распространяется сфера охвата обязательства Договаривающихся Сторон разрешать распоряжение имуществом в соответствии с пунктом 1 статьи V. Обязательство разрешать распоряжение имуществом предполагает, что соответствующее государство или соответствующая компания фактически

владеет имуществом, в отношении которого оно или она могут осуществлять права собственности. Суд считает, что пункт 1 статьи V не предназначался для применения к ситуациям, которые равносильны экспроприации и которые рассматриваются в пункте 2 статьи IV.

Что касается президентского указа № 13599, то Суд отмечает, что имущество и доли в имуществе, которые оказались заблокированы этим указом, «не могут передаваться, оплачиваться, вывозиться, изыматься или подлежать иным операциям». Эти положения отражают общий запрет на распоряжение имуществом. При этом Суд напоминает, что Иран не указал ни имущество, ни доли в имуществе иранских компаний, конкретно затронутые президентским указом, за исключением активов банка «Маркази». В действительности все остальное имущество, которое якобы было заблокировано на основании президентского указа № 13599 и на которое Иран обратил внимание Суда, было заблокировано другими исполнительными мерами, которые не были оспорены в ходе данного разбирательства. Соответственно, это имущество не было затронуто президентским указом № 13599.

В свете вышеизложенного Суд заключает, что Иран не доказал, что Соединенные Штаты нарушили право на распоряжение имуществом в соответствии с пунктом 1 статьи V Договора о дружбе.

Е. Предполагаемые нарушения пункта 1 статьи VII (пп. 202–208)

Далее Суд рассматривает предполагаемые нарушения пункта 1 статьи VII Договора о дружбе. Он отмечает, что разногласия Сторон касаются сферы применения первой части этого положения (в которой говорится об ограничениях «на осуществление платежей, денежных переводов и других операций по переводу средств»), в частности, термина «ограничения». По мнению Суда, эта формулировка выглядит довольно широкой, однако ее не следует толковать в отрыве от контекста, из которого следует, что термином «ограничения» обозначаются только «валютные ограничения».

Поскольку претензии Ирана по пункту 1 статьи VII не связаны с валютными ограничениями, эти претензии следует отклонить. Суд заключает, что Иран не доказал, что Соединенные Штаты нарушили свои обязательства по пункту 1 статьи VII Договора о дружбе.

Ф. Предполагаемые нарушения пункта 1 статьи X (пп. 209–223)

Наконец, Суд рассматривает предполагаемые нарушения пункта 1 статьи X Договора о дружбе, предусматривающего, что «[М]ежду территориями двух Высоких Договаривающихся Сторон устанавливается свобода торговли и мореплавания».

Он отмечает, что Стороны расходятся во мнениях относительно того, означает ли толкование Судом термина «свобода торговли» в своих предыдущих решениях, что под торговлей и связанными с ней вспомогательными видами деятельности должна пониматься только торговля товарами. Ссылаясь на дело *Нефтяные платформы (Исламская Республика Иран против Соединенных Штатов Америки)*, Суд считает, что финансовые сделки или операции представляют собой виды вспомогательной деятельности, неразрывно связанные с торговлей. По мнению Суда, деятельность, осуществляемая исключительно в финансовом секторе, например торговля нематериальными активами, также входит в понятие торговли, подпадающей под защиту пункта 1 статьи X Договора.

Далее Суд напоминает, что, для того чтобы подпадать под эту защиту, соответствующая торговля «должна вестись *между территориями Соединенных*

Штатов и Ирана». Суд считает, что из его практики не следует, что в понятие торговли для целей пункта 1 статьи X не входят любые формы торговли, осуществляемой через посредников. Природа финансовых операций такова, что в них часто участвуют посредники, находящиеся в разных странах.

Суд добавляет, что сторона, заявляющая о нарушении другой стороной пункта 1 статьи X, должна доказать, что «существовало *реальное препятствие* для торговли... *между* территориями двух Высоких Договаривающихся Сторон». Он заявляет в этой связи, что такое препятствие может быть физическим или юридическим. По его мнению, президентский указ № 13599 представляет собой реальное препятствие для проведения любых финансовых сделок или операций Ираном или иранскими финансовыми учреждениями на территории Соединенных Штатов, а пункт g) 1) статьи 1610 закона об иммунитетах иностранных суверенов представляет собой реальное препятствие для осуществления коммерческой деятельности этими организациями на территории Соединенных Штатов. Он далее отмечает, что следствием судебного применения пункта g) 1) статьи 1610 закона об иммунитетах иностранных суверенов и пункта a) статьи 201 закона о страховании от террористической угрозы стало реальное ограничение торговли. Суд также считает, что в качестве явных примеров такого реального ограничения торговли можно привести последствия исполнительного производства в отношении договорных задолженностей в телекоммуникационной отрасли и в секторе обслуживания кредитных карт.

В свете вышеизложенного Суд заключает, что Соединенные Штаты нарушили свои обязательства по пункту 1 статьи X Договора о дружбе.

V. Средства правовой защиты (пп. 224–235)

В заключение Суд рассматривает вопрос о средствах правовой защиты.

A. Прекращение международно-противоправных деяний (пп. 225–229)

Сначала Суд рассматривает претензию Ирана, касающуюся прекращения международно-противоправных деяний. В этой связи Суд напоминает, что государство, ответственное за международно-противоправное деяние, обязано прекратить это деяние, если оно продолжается. Такое обязательство существует только в том случае, если нарушенное обязательство все еще остается в силе. В настоящем деле это условие не соблюдено, поскольку Договор о дружбе больше не действует. Соединенные Штаты денонсировали Договор, направив Ирану уведомление о денонсации 3 октября 2018 года, и в соответствии с положениями пункта 3 статьи XXIII год спустя Договор прекратил свое действие. Из этого следует, что просьба Ирана, касающаяся прекращения международно-противоправных деяний, должна быть отклонена.

B. Компенсация за причиненный ущерб (пп. 230–231)

Затем Суд переходит к рассмотрению вопроса о компенсации причиненного ущерба. Он отмечает, что Иран имеет право на компенсацию ущерба, причиненного установленными Судом нарушениями со стороны Соединенных Штатов. Суд обращает внимание на то, что он может оценить соответствующий ущерб и размер компенсации только на следующем этапе судопроизводства. На этом основании Суд постановляет, что, если Стороны не смогут договориться о размере причитающейся Ирану компенсации в течение 24 месяцев с даты вынесения настоящего Решения, он по просьбе любой из Сторон определит размер причитающейся выплаты на основании дополнительных письменных составительных бумаг, ограничивающихся исключительно этим вопросом.

C. *Сатисфакция* (пп. 232–233)

Наконец, Суд рассматривает вопрос о сатисфакции. В этой связи он напоминает, что одной из форм сатисфакции, которую пострадавшее государство вправе требовать после установления факта совершения противоправного деяния, может быть, в соответствующих обстоятельствах, принесение официальных извинений государством, совершившим противоправное деяние. В обстоятельствах данного дела Суд считает, что установление в настоящем Решении факта совершения Соединенными Штатами противоправных деяний является достаточной сатисфакцией для Заявителя.

Постановляющая часть (п. 236)

Суд

1) десятью голосами против пяти

принимает возражение против юрисдикции, выдвинутое Соединенными Штатами Америки в отношении претензий Исламской Республики Иран по статьям III, IV и V Договора 1955 года о дружбе, экономических отношениях и консульских правах в той части, в которой они касаются режима, предоставленного банку «Маркази», и, соответственно, *заключает*, что он не обладает юрисдикцией для рассмотрения этих претензий;

голосовали за: Вице-председатель Геворгян, и. о. Председателя; судьи Томка, Абраам, Сюэ, Себутинде, Бхандари, Ивасава, Нольте, Чарлзуорт; судья ad hoc Баркетт;

голосовали против: судьи Беннуна, Юсуф, Робинсон, Салам; судья ad hoc Момтаз;

2) тринадцатью голосами против двух

отклоняет возражение против приемлемости, выдвинутое Соединенными Штатами Америки в связи с тем, что иранские компании не исчерпали внутренние средства правовой защиты;

голосовали за: Вице-председатель Геворгян, и. о. Председателя; судьи Томка, Абраам, Беннуна, Юсуф, Сюэ, Бхандари, Робинсон, Салам, Ивасава, Нольте, Чарлзуорт; судья ad hoc Момтаз;

голосовали против: судья Себутинде; судья ad hoc Баркетт;

3) восемью голосами против семи

закключает, что Соединенные Штаты Америки нарушили свои обязательства по пункту 1 статьи III Договора 1955 года о дружбе, экономических отношениях и консульских правах;

голосовали за: Вице-председатель Геворгян, и. о. Председателя; судьи Беннуна, Юсуф, Сюэ, Робинсон, Салам, Чарлзуорт; судья ad hoc Момтаз;

голосовали против: судьи Томка, Абраам, Себутинде, Бхандари, Ивасава, Нольте; судья ad hoc Баркетт;

4) двенадцатью голосами против трех

закключает, что Соединенные Штаты Америки нарушили свои обязательства по пункту 1 статьи IV Договора 1955 года о дружбе, экономических отношениях и консульских правах;

голосовали за: Вице-председатель Геворгян, и. о. Председателя; судьи Томка, Абраам, Беннуна, Юсуф, Сюэ, Робинсон, Салам, Ивасава, Нольте, Чарлзуорт; судья ad hoc Момтаз;

голосовали против: судьи Себутинде, Бхандари; судья ad hoc Баркетт;

5) одиннадцатью голосами против четырех

заключает, что Соединенные Штаты Америки нарушили свое обязательство по пункту 2 статьи IV Договора 1955 года о дружбе, экономических отношениях и консульских правах, согласно которому имущество граждан и компаний Договаривающихся Сторон «не может быть изъято иначе как для общественных целей и не может быть изъято без своевременной выплаты справедливой компенсации»;

голосовали за: Вице-председатель Геворгян, и. о. Председателя; судьи Томка, Абраам, Беннуна, Юсуф, Сюэ, Робинсон, Салам, Ивасава, Нольте; судья ad hoc Момтаз;

голосовали против: судьи Себутинде, Бхандари, Чарлзуорт; судья ad hoc Баркетт;

6) десятью голосами против пяти

заключает, что Соединенные Штаты Америки нарушили свои обязательства по пункту 1 статьи X Договора 1955 года о дружбе, экономических отношениях и консульских правах;

голосовали за: Вице-председатель Геворгян, и. о. Председателя; судьи Абраам, Беннуна, Юсуф, Сюэ, Робинсон, Салам, Ивасава, Нольте; судья ad hoc Момтаз;

голосовали против: судьи Томка, Себутинде, Бхандари, Чарлзуорт; судья ad hoc Баркетт;

7) тринадцатью голосами против двух

заключает, что Соединенные Штаты Америки обязаны выплатить Исламской Республике Иран компенсацию за вредные последствия нарушений международных обязательств, указанных в подпунктах 3)–6) выше;

голосовали за: Вице-председатель Геворгян, и. о. Председателя; судьи Томка, Абраам, Беннуна, Юсуф, Сюэ, Бхандари, Робинсон, Салам, Ивасава, Нольте, Чарлзуорт; судья ad hoc Момтаз;

голосовали против: судья Себутинде; судья ad hoc Баркетт;

8) четырнадцатью голосами против одного

постановляет, что в случае отсутствия соглашения между Сторонами по вопросу о компенсации, причитающейся Исламской Республике Иран, в течение 24 месяцев с даты вынесения настоящего Решения этот вопрос, по просьбе любой из Сторон, будет урегулирован Судом, и *резервирует* для этой цели последующую процедуру в данном деле;

голосовали за: Вице-председатель Геворгян, и.о. Председателя; судьи Томка, Абраам, Беннуна, Юсуф, Сюэ, Бхандари, Робинсон, Салам, Ивасава, Нольте, Чарлзуорт; судьи ad hoc Баркетт, Момтаз;

голосовала против: судья Себутинде;

9) единогласно

отклоняет все прочие позиции, заявленные Сторонами.

*

Судья Томка прикладывает к Решению Суда особое мнение; судья Абраам прикладывает к Решению Суда заявление; судьи Беннуна и Юсуф прикладывают к Решению Суда особые мнения; судья Себутинде прикладывает к Решению Суда несогласное мнение; судья Бхандари прикладывает к Решению Суда заявление; судья Робинсон прикладывает к Решению Суда особое, частично совпадающее и частично несовпадающее, мнение; судья Салам прикладывает к Решению Суда заявление; судьи Ивасава, Нольте и Чарлзуорт прикладывают к Решению Суда особые мнения; судья ad hoc Баркетт прикладывает к Решению Суда особое, частично совпадающее и частично несовпадающее, мнение; судья ad hoc Момтаз прикладывает к Решению Суда особое мнение.

*

* *

Особое мнение судьи Томки

В своем особом мнении судья Томка выражает несогласие с решением большинства в отношении пункта 1 статьи III и пункта 1 статьи X Договора о дружбе 1955 года. Он считает, что Соединенные Штаты не нарушили своих обязательств перед Ираном ни по одному из этих положений.

Что касается пункта 1 статьи III, то судья Томка считает, что обязательство признавать «юридический статус» компаний предполагает, что Соединенные Штаты должны признавать правосубъектность и правоспособность иранских компаний. Однако это не означает, что Соединенные Штаты обязаны также признавать «самостоятельный юридический статус» (или «корпоративную форму») этих компаний. По его мнению, в пользу такого толкования понятия «юридический статус» свидетельствуют, в частности, исторический контекст и экономические предпосылки Договора, структура пункта 1 статьи III, обычное значение используемых в нем терминов, а также объект и цель Договора. Сам факт явки иранских компаний на внутренние судебные разбирательства в Соединенных Штатах и участия в них указывает на то, что Соединенные Штаты признали юридический статус иранских компаний так, как того требует пункт 1 статьи III.

Затем судья Томка обращает внимание на вывод большинства о том, что Соединенные Штаты нарушили свое обязательство по пункту 1 статьи X Договора о дружбе. Он отмечает, что Суд уже толковал это положение, в частности в решении по делу *Нефтяные платформы (Исламская Республика Иран против Соединенных Штатов Америки)*, где Суд определил, что действие пункта 1 статьи X не распространяется исключительно на морскую торговлю, а предусматривает свободу торговли в целом. Он не видит убедительных причин для пересмотра этого толкования в настоящем деле. По его мнению, Иран не представил достаточных доказательств того, что принятые Соединенными Штатами меры действительно препятствовали торговле. Эти меры не были направлены ни на ограничение свободы торговли, ни на воспрепятствование ей. Скорее эти меры были приняты для приведения в исполнение решений, вынесенных судами Соединенных Штатов против Ирана. Поскольку цель пункта 1 статьи X не заключается в обеспечении защиты от приведения в исполнение судебных решений, судья Томка считает, что Соединенные Штаты не нарушили своего обязательства, вытекающего из этого положения.

Заявление судьи Абраама

Судья Абраам не убежден в том, что Соединенные Штаты Америки нарушили свои обязательства по пункту 1 статьи III Договора 1955 года о дружбе,

экономических отношениях и консульских правах. Он считает, что исходя из аргументов, приведенных Судом в обоснование своего вывода о нарушении пункта 1 статьи IV, не обязательно можно сделать такой же вывод в отношении статьи III. Он соглашается с тем, что рассматриваемые законодательные меры были направлены на устранение некоторых из наиболее серьезных последствий, с которыми, как правило, сопряжено признание правосубъектности, однако он не считает, что эти меры нарушают обязательство «признавать» юридический статус компаний, учрежденных в соответствии с применимым законодательством другой Договаривающейся Стороны, по смыслу пункта 1 статьи III Договора. Он считает, что Стороны не намеревались наполнять таким содержанием указанное положение, которое, по его мнению, обязывает каждую Сторону «признавать» за компаниями другой Стороны собственную правосубъектность, но не запрещает принимать меры, направленные на уменьшение масштабов последствий, с которыми, как правило, сопряжено признание правосубъектности. Поэтому он считает, что ни суды Соединенных Штатов, ни федеральный законодатель не проигнорировали обязательство «признавать» юридический статус иранских компаний.

Особое мнение судьи Беннуны

Судья Беннуна проголосовал против решения Суда, в котором Суд принял возражение против юрисдикции, выдвинутое Соединенными Штатами Америки в отношении претензий Исламской Республики Иран по статьям III, IV и V Договора 1955 года о дружбе, экономических отношениях и консульских правах в той части, в которой они касаются режима, предоставленного банку «Маркази», и, соответственно, заключил, что не обладает юрисдикцией для рассмотрения этих претензий.

Судья Беннуна отмечает, что Суд решил явно отступить от логики, которой он придерживался в своем Решении 2019 года. Так, по мнению судьи Беннуны, ссылка на критерий коммерческого характера деятельности для целей отнесения компании к той или иной категории, фигурировавшая в Решении 2019 года, в принятом впоследствии Решении 2023 года уже отсутствует, причем Суд не привел в обоснование этого никаких новых аргументов. По мнению судьи Беннуны, Суд постановил, что необходимым и достаточным критерием для отнесения указанного банка к категории «компаний» является осуществление им суверенной функции, что противоречит Решению 2019 года.

Особое мнение судьи Юсуфа

Судья Юсуф соглашается со всеми выводами Суда, кроме вывода о том, что претензии Ирана относительно активов банка «Маркази» должны быть отклонены по причине отсутствия юрисдикции. В своем особом мнении он акцентирует внимание на этом вопросе.

Судья Юсуф считает, что в ситуации с банком «Маркази» Суд должен был сделать те же выводы, что и в отношении нарушения Соединенными Штатами пункта 1 статьи III и пунктов 1 и 2 статьи IV, ввиду того, что в соответствующий период деятельность банка в Соединенных Штатах классифицировалась как деятельность «компаний» по смыслу Договора о дружбе, экономических отношениях и консульских правах (далее — «Договор»).

По мнению судьи Юсуфа, критерии для определения того, может ли банк «Маркази» считаться «компанией» по смыслу Договора с учетом той деятельности, которую он осуществлял в Соединенных Штатах в соответствующий период, были изложены Судом в его Решении 2019 года. Он считает, что при правильном применении эти критерии, которые касались преимущественно

характера деятельности, осуществляемой банком «Маркази» в Соединенных Штатах, позволили бы установить, что эта деятельность носила коммерческий характер и, следовательно, этот банк имел право на защиту, предусмотренную Договором.

Судья Юсуф высказывает несогласие по поводу того, что, с его точки зрения, в настоящем Решении Суд вводит новый критерий, из-за которого, по его мнению, в ходе рассмотрения этого дела изменились ориентиры: акцент сместился на выполняемую банком «Маркази» функцию центрального банка и на связь между этой функцией и деятельностью этого банка в Соединенных Штатах. Он отмечает, что наличие суверенной функции, связанной с коммерческой деятельностью, не обязательно означает, что осуществление такой деятельности становится суверенным актом, и что из Договора не следует, что принадлежащие государству или контролируемые государством организации ввиду выполняемых ими функций не имеют право на защиту в соответствии с его положениями, особенно когда такие организации ведут коммерческую деятельность на территории принимающего государства. Действуя через финансовых посредников, банк «Маркази» покупал ценные бумаги и управлял ими в Соединенных Штатах в целях получения прибыли на открытом и конкурентном рынке. С учетом того что эта деятельность является коммерческой по своему характеру, Суд должен был классифицировать банк «Маркази» как «компанию» по смыслу Договора для целей его деятельности в Соединенных Штатах в соответствующий период. В этом контексте судья Юсуф отмечает, что рассмотрение банка «Маркази» в качестве «компании» по смыслу Договора с учетом осуществляемых им конкретных видов деятельности в Соединенных Штатах не означает, что он должен считаться «компанией» при любых обстоятельствах.

В заключение судья Юсуф высказывает мнение, что вследствие принятия Соединенными Штатами законодательных и исполнительных мер, реализация которых обеспечивалась их судебными органами, банк «Маркази» лишился защиты, на которую он имел право в соответствии с Договором. Поэтому Суд должен был подтвердить свою юрисдикцию и сделать в ситуации с банком «Маркази» те же выводы, что и в отношении нарушения Соединенными Штатами своих обязательств по пункту 1 статьи III и пунктам 1 и 2 статьи IV.

Несогласное мнение судьи Себутинде

Судья Себутинде проголосовала за подпункты 1 и 9 пункта 236 постановляющей части Решения, но выражает несогласие с мнением большинства в подпунктах 2, 3, 4, 5, 6, 7 и 8 по следующим причинам. Претензии Ирана в соответствии со статьями III, IV и V Договора 1955 года являются неприемлемыми в той части, в которой они касаются иранских компаний, не исчерпавших внутренние средства правовой защиты в Соединенных Штатах. В статьях III и IV Договора 1955 года создаются разные обязательства, которые не следует путать. Несмотря на предусмотренное в пункте 1 статьи III обязательство признавать юридический статус иранских компаний в Соединенных Штатах, суды Соединенных Штатов вправе в интересах правосудия приподнимать корпоративную завесу над иранскими государственными компаниями. Иран не доказал, что Соединенные Штаты отказались обеспечивать иранским компаниям справедливый и равноправный режим, приняли в их отношении необоснованные или дискриминационные меры или препятствовали осуществлению ими своих договорных прав. Иран не доказал, что вследствие президентского указа № 13599 иранские компании были лишены возможности распоряжаться своим недвижимым имуществом в Соединенных Штатах по смыслу пункта 1 статьи IV. Наложение Соединенными Штатами ареста на иранские активы не равнозначно подлежащей возмещению «экспроприации» по смыслу пункта 2 статьи IV. Пункт 1 статьи VII

касается исключительно валютных ограничений, и Иран не доказал, что Соединенные Штаты нарушили свои обязательства по этому пункту статьи. Иран не доказал, что между территориями Ирана и Соединенных Штатов постоянно велась торговля, которой препятствовали Соединенные Штаты в нарушение пункта 1 статьи X. Президентский указ № 13599 должен быть исключен из сферы действия Договора 1955 года, поскольку он относится к категории мер, необходимых для защиты интересов безопасности Соединенных Штатов по смыслу пункта 1 d) статьи XX. В настоящем деле Соединенные Штаты не обязаны выплачивать Ирану компенсацию.

Заявление судьи Бхандари

В своем заявлении судья Бхандари рассматривает вопрос о судебной экспроприации. Он заявляет, что, по его мнению, Суду следовало бы привести более подробные аргументы и обоснование в тех частях Решения, которые касаются претензий Ирана в связи с судебной экспроприацией.

По мнению судьи Бхандари, заявления Суда относительно судебной экспроприации не подкреплены никакими прецедентами или вескими причинами. Он добавляет, что нельзя сказать, что эти заявления совпадают с устоявшимися представлениями о понятии «судебная экспроприация», согласно которым, прежде чем можно будет установить факт судебной экспроприации, в самом решении внутреннего судебного органа должен присутствовать элемент международной противоправности. Он говорит, что, согласно мнению Суда, в данном случае дело обстояло иначе.

Затем судья Бхандари разбирает решения других международных судов и трибуналов. Он приходит к выводу, что Суду в любом случае следовало провести более обоснованный анализ с использованием авторитетных источников.

Особое, частично совпадающее и частично несовпадающее, мнение судьи Робинсона

1. В своем особом мнении судья Робинсон сначала объясняет причины своего несогласия с изложенным в подпункте 1 пункта 236 Решения выводом большинства о том, что Суд не обладает юрисдикцией для рассмотрения претензий по статьям III, IV и V Договора 1955 года о дружбе, экономических отношениях и консульских правах («Договор о дружбе») в той части, в которой они касаются режима, обеспеченного центральному банку Ирана — банку «Маркази».

2. Судья Робинсон отмечает, что вывод Суда о том, что банк «Маркази» не имеет права на защиту, обеспечиваемую компаниям в соответствии с Договором о дружбе, основан на аргументации, которая противоречит Решению Суда от 13 февраля 2019 года («Решение 2019 года»). По его мнению, при надлежащем прочтении Решения 2019 года подтверждается, что именно характер деятельности позволяет окончательно внести ясность в вопрос о том, является ли организация компанией по смыслу Договора о дружбе. Однако в настоящем Решении Суд отошел от своего предыдущего анализа и выводов, привнес элемент, которого в Решении 2019 года не было, а именно связь между деятельностью и суверенной функцией или целью.

3. Судья Робинсон также объясняет свое несогласие с изложенным в пункте 143 Решения Суда выводом о том, что действия Соединенных Штатов не представляют собой серьезного нарушения в отправлении правосудия, равносильного отказу в правосудии. Судья Робинсон утверждает, что он исходит из того, что банк «Маркази» классифицируется как компания по смыслу Договора о дружбе, соответственно, принятие законодательства до окончания текущего

разбирательства равносильно отказу в правосудии и нарушению права банка пользоваться справедливым и равноправным режимом.

4. Судья Робинсон подчеркивает, что его мнение по теме односторонних экономических санкций ни в коем случае не следует рассматривать как комментарий к существу настоящего дела, в котором применимыми правовыми источниками выступают Договор о дружбе и договорное право в целом. Судья Робинсон рассматривает вопрос о санкциях в рамках общего международного права, выделяя ключевые события последних десятилетий. Он отмечает, что введенные в одностороннем порядке санкции являются особенно спорными, поскольку в свете обстоятельств их введения очевидно, что государство, применяющее эти санкции, выполняет функцию, которую Устав Организации Объединенных Наций возложил на Совет Безопасности.

5. Наконец, судья Робинсон подвергает критике некоторые формулировки, употребляемые Судом в настоящем Решении, отмечая, что использование глагола «представляется» в пункте 72 Решения предполагает, что, для того чтобы освободиться от бремени доказывания своей правоты, Сторона, несущая это бремя, должна соблюсти сравнительно невысокие требования. Он также обращает внимание на избыточные расшаркивания Суда, свидетельствующие о том, что Суд занял оправдательную позицию по отношению к Соединенным Штатам в связи с выводом о том, что у иранских компаний не было разумной возможности успешно отстаивать свои права в судебных разбирательствах в Соединенных Штатах.

Заявление судьи Салама

В своем заявлении судья Салам утверждает, что он не согласен с мнением большинства по вопросу о том, является ли банк «Маркази» «компанией» по смыслу Договора о дружбе, экономических отношениях и консульских правах между Соединенными Штатами и Ираном — Сторонами настоящего дела. В действительности он считает, что методология и аргументация, которых придерживается Суд в этом вопросе, не являются убедительными. Он с сожалением констатирует, что Суд не стал следовать той логике рассуждений, которую он выстроил в Решении 2019 года по предварительным возражениям, призывая сосредоточиться на «характере» деятельности банка «Маркази», и предпочел игнорировать известные решения международного права, касающиеся проведения различия между «коммерческой деятельностью» и «суверенной деятельностью» государственных организаций.

По мнению судьи Салама, при определении категории, к которой относится банк «Маркази», Суду следовало учитывать только характер деятельности, которую этот банк осуществлял на территории Соединенных Штатов. Именно на это недвусмысленно указал Суд в пункте 93 Решения 2019 года. В настоящем Решении Суд подтвердил возможность отнесения государственного предприятия к категории «компаний» по смыслу Договора, если оно занимается коммерческой или промышленной деятельностью на территории другой стороны, даже если эта деятельность не является основной. Деятельность банка «Маркази» по управлению инвестициями и ценными бумагами носит коммерческий характер, поэтому этот банк следовало к категории «компаний» в контексте этой деятельности. По мнению судьи Салама, Суд пришел к иному выводу в результате спорного прочтения большинством Решения 2019 года, в частности вышеупомянутого пункта 93.

По мнению судьи Салама, то, что предметом рассматриваемого Судом спора не были иммунитеты, не должно было помешать ему опираться на практику государств и решения, принятые в этой области. По его мнению, было бы

совершенно нелогично, если бы сторона применяла критерий характера акта для обоснования отказа предоставлять иммунитет иностранным государствам и их органам, но отказывалась применять его, когда речь идет о предоставлении им защиты в рамках такого соглашения, как Договор о дружбе.

Наконец, судья Салам подвергает критике утверждение Суда о том, что заявления, сделанные банком «Маркази» в ходе разбирательств в судах Соединенных Штатов, надлежащим образом описывают деятельность этого банка. Он считает, что Суд, рассуждая подобным образом, делает именно то, что он справедливо запретил ранее, приписывая Ирану заявления, которых Иран не делал. Кроме того, Суд опирается на позицию, занятую банком «Маркази» в судах Соединенных Штатов, игнорируя при этом, что Соединенные Штаты утверждали в тех же судах, что отдельные компоненты деятельности банка «Маркази» ничем не отличаются от деятельности частного лица и потому должны считаться коммерческими. Такой подход Суда, по мнению судьи Салама, в контексте настоящего дела не является ни последовательным, ни оправданным.

Особое мнение судьи Ивасава

В своем особом мнении судья Ивасава рассматривает три темы: исчерпание внутренних средств правовой защиты, исключения по соображениям безопасности в договорах, а также постоянная максимальная защита и безопасность.

Судья Ивасава описывает порядок наложения бремени доказывания в контексте исчерпания внутренних средств правовой защиты. Он поясняет, что заявитель, осуществляющий дипломатическую защиту, должен указать, что пострадавшее лицо исчерпало внутренние средства правовой защиты. Если ответчик, выдвигающий возражение о том, что внутренние средства правовой защиты не были исчерпаны, должен указать те средства правовой защиты, которые не были исчерпаны, то заявитель должен доказать либо то, что эти средства были исчерпаны, либо то, что они неэффективны. Если заявитель приводит достаточно серьезные доказательства неэффективности средств правовой защиты, то ответчик должен доказать, что средства правовой защиты в действительности эффективны. В настоящем деле Соединенные Штаты должны продемонстрировать, что средства правовой защиты являются эффективными.

Иран выдвигает претензии в связи с чередой законодательных и исполнительных мер, из-за которых иранские компании, учреждения и структуры фактически лишились средств правовой защиты, доступных для оспаривания принудительных мер в отношении их активов. Суды Соединенных Штатов обязаны применять эти меры. С учетом того что принятые Соединенными Штатами меры имеют ряд отличительных особенностей и что при этом федеральный закон имеет примат над договором, заключенным до его принятия, Суд пришел к выводу о том, что у соответствующих компаний не было разумной возможности получить возмещение. Судья Ивасава подчеркивает, что эта аргументация не распространяется автоматически на другие обстоятельства в государствах, где закон, принятый после заключения договора, имеет преимущественную силу над договором.

Затем судья Ивасава переходит к рассмотрению вопроса об исключениях по соображениям безопасности в договорах. По его мнению, огромное значение имеют требования, которых должны придерживаться международные суды при рассмотрении претензий, поданных в контексте исключений по соображениям безопасности. Ответчик несет бремя доказывания того, что условия, определенные в положении об исключении по соображениям безопасности, соблюдены. В соответствии с пунктом 1 *d*) Статьи XX Договора о дружбе ссылающемуся

государству предоставляется достаточная степень свободы усмотрения. Критерии соразмерности и наименее ограничительных альтернативных вариантов в контексте исключений по соображениям безопасности являются слишком жесткими.

Судья Ивасава считает, что при оценке того, является ли мера необходимой для защиты существенных интересов государственной безопасности в соответствии с таким положением, как пункт 1 *d*) статьи XX Договора о дружбе, международный суд должен определить, была ли эта мера рациональной с учетом разумно доступных альтернативных вариантов, известных этому государству на тот момент. При проведении такой оценки следует учитывать важность затрагиваемых интересов безопасности и анализировать вклад, который данная мера призвана внести в защиту этих интересов, и ее эффективность в этом отношении, а также последствия ее принятия для торговли между сторонами. Кроме того, суд должен установить, следовало ли государству надлежащим процедурам при осуществлении своих полномочий.

Судья Ивасава согласен с Судом в том, что в настоящем деле Соединенные Штаты не предъявили убедительных доказательств того, что президентский указ № 13599 был мерой, необходимой для защиты существенных интересов государственной безопасности.

Наконец, судья Ивасава рассматривает вопрос, касающийся нормы о постоянной максимальной защите и безопасности. Он отмечает, что Суд делает в этой связи важные заявления, в частности о том, что эта норма особенно актуальна применительно к защите от физического ущерба со стороны третьих лиц; что эта норма относится не к числу норм строгой ответственности, а к числу норм должной осмотрительности; и что, если норма о постоянной максимальной защите и безопасности будет толковаться как включающая правовую защиту, то эта норма и норма о справедливом и равноправном режиме будут в значительной степени пересекаться друг с другом.

Судья Ивасава считает, что во избежание дублирования отдельных норм под постоянной максимальной защитой и безопасностью предпочтительнее понимать обеспечение защиты, отличной от справедливого и равноправного режима. Если в соответствующем договоре прямо не предусматривается иное, то понятие «постоянная максимальная защита и безопасность» должно толковаться как касающееся защиты от физического ущерба.

Особое мнение судьи Нольте

1. Судья Нольте не соглашается с выводом Суда о том, что Соединенные Штаты Америки нарушили свое обязательство по пункту 1 статьи III Договора о дружбе. По его мнению, пункт 1 статьи III не предусматривает защиты существования компаний как отдельных (самостоятельных) субъектов с точки зрения права в каком бы то ни было виде.

2. Судья Нольте признает, что текст пункта 1 статьи III оставляет открытым вопрос о том, предполагает ли пункт 1 статьи III защиту только юридического существования компании или же также защиту самостоятельной правосубъектности компаний, которые обладают такой правосубъектностью в силу норм внутреннего законодательства, на основании которых они были учреждены. Вместе с тем судья Нольте считает, что контекст этого положения, его объект и цель, а также подготовительные материалы указывают на то, что защита, предусматриваемая пунктом 1 статьи III, ограничивается признанием юридического существования компании.

3. Судья Нольте подчеркивает, что такое ограничительное толкование пункта 1 статьи III не означает, что самостоятельная правосубъектность компаний, обладающих такой правосубъектностью, никак не защищена. По его мнению, такая защита вытекает из пункта 1 статьи IV, в котором предусматривается и защита от необоснованного игнорирования самостоятельной правосубъектности в любом виде, и возможность государств-участников принимать меры регулирования, включая «поднятие корпоративной завесы» в той или иной разумной форме.

4. Исходя из этого, судья Нольте заключает, что игнорирование Соединенными Штатами самостоятельной правосубъектности некоторых иранских компаний не является нарушением пункта 1 статьи III Договора о дружбе, а только нарушением пункта 1 статьи IV.

5. Что касается возражения против юрисдикции в ситуации с банком «Маркази», то судья Нольте считает, что Суд надлежащим образом установил, в соответствии с Решением 2019 года, что рассматриваемая деятельность банка «Маркази» не носит коммерческого характера и что вследствие этого банк «Маркази» не является компанией по смыслу Договора о дружбе. Он в принципе согласен с аргументацией Суда в этом отношении. Судья Нольте поясняет, что при определении характера деятельности, осуществляемой банком «Маркази», Суд опирался на толкование договорного термина «компания» и термина «коммерческая деятельность», который сам является производным от договорного термина «компания».

6. Судья Нольте согласен с утверждением Суда о том, что «нет необходимости выяснять, может ли данная организация ссылаться применительно к этой деятельности на юрисдикционный иммунитет или на иммунитет от принудительного исполнения судебного решения в соответствии с нормами обычного международного права» (Решение, п. 48), однако считает, что это утверждение не означает, что Суд не может принимать во внимание обычно-правовые нормы о суверенных иммунитетах при толковании нормы Договора о дружбе (см. пункт 3 с) статьи 31 Венской конвенции о праве международных договоров, который является отражением обычного международного права).

7. Судья Нольте обращает внимание на то, что толкование Судом Договора о дружбе согласуется с практикой, в соответствии с которой хранение центральными банками валютных резервов за рубежом и управление этими резервами представляют собой, по общему признанию, один из типичных видов суверенной деятельности, которой центральные банки большинства государств занимаются на регулярной и взаимной основе и которая находится под особой защитой обычно-правовых норм о суверенном иммунитете. Он отмечает, что в отношении деятельности суверенных фондов можно сделать иной вывод.

Особое мнение судьи Чарлзуорт

Судья Чарлзуорт соглашается с большей частью аргументации Суда по данному делу, однако выражает несогласие с мнением большинства по двум вопросам.

Судья Чарлзуорт одобряет критерии, изложенные в анализе Судом претензии о незаконной экспроприации. Вместе с тем она не поддерживает решение Суда обосновать вывод о нарушении пункта 2 статьи IV выводом о нарушении пункта 1 статьи IV. Судья Чарлзуорт добавляет, что в международной судебной практике, как правило, признается, что национальный регулирующий орган наделен определенной степенью свободы усмотрения в этом вопросе. По ее мнению, Иран не привел убедительных доказательств того, что Соединенные

Штаты, приняв упомянутые меры, перешли грань, отделяющую обоснованную регулятивную деятельность от экспроприации.

Судья Чарлзуорт также не соглашается с выводом Суда о том, что Соединенные Штаты, приняв упомянутые меры, нарушили свои обязательства по пункту 1 статьи X. Она соглашается с широким толкованием этого положения Судом, однако обращает внимание на то, что сфера его применения является ограниченной, о чем свидетельствует судебная практика Суда. Исходя из этого, она считает, что именно Иран должен доказать, что Соединенные Штаты, приняв упомянутые меры, создали реальное препятствие для торговли между Сторонами. Судья Чарлзуорт считает, что пункт 1 статьи X нельзя рассматривать как исключаящий действия, которые являются обычной частью коммерческой деятельности, или меры, которые могут иметь косвенные или случайные последствия для торговли. По ее мнению, меры, указанные Судом, хоть и нарушают другие положения Договора о дружбе, но не нарушают пункт 1 статьи X.

Особое, частично совпадающее и частично несовпадающее, мнение судьи ad hoc Баркетт

Что касается возражений Соединенных Штатов, то судья ad hoc Баркетт заявляет, что Иран пытается реализовать права, предоставленные ему Договором, в целях, отличных от тех, для которых были установлены рассматриваемые права. Она приходит к выводу, что с учетом этого обстоятельства возражение Соединенных Штатов, основанное на доктрине злоупотребления правами, должно быть принято. Она заявляет далее, что внутренние средства правовой защиты в Соединенных Штатах не были бесполезными и что претензии Ирана должны были быть признаны неприемлемыми в связи с тем, что иранские компании не исчерпали внутренние средства правовой защиты. Кроме того, она отмечает, что, по ее мнению, Соединенные Штаты привели доказательства того, что президентский указ № 13599 был необходим для защиты существенных интересов безопасности Соединенных Штатов, и что вследствие этого Суд должен был принять возражение Соединенных Штатов на основании пункта 1 *d)* статьи XX Договора о дружбе 1955 года.

Что касается существа претензий Ирана, то судья ad hoc Баркетт обращает внимание на то, что Суд в своем анализе смешивает претензии Ирана по пункту 1 статьи III и его претензии по пункту 1 статьи IV, и отмечает, что, по ее мнению, принятие необоснованных мер нельзя приравнивать к непризнанию юридического статуса. Она утверждает, что в пункте 1 статьи III содержится лишь требование признавать юридический статус компаний и не подразумевается никаких дополнительных юридических прав. Она добавляет, что суды Соединенных Штатов признали юридический статус иранских компаний и что в пункте 1 статьи III не предусмотрено обязательства признавать их «самостоятельность».

Что касается претензий Ирана по пункту 1 статьи IV, то судья ad hoc Баркетт отмечает, что Суд не рассматривает цель компенсации жертвам террористических актов и не объясняет, почему принятые меры якобы были чрезмерно суровыми. Она обращает внимание на то, что термин «необоснованный» подразумевает, что речь идет о высоких требованиях, но Суд без каких-либо объяснений и обоснований принял решение снизить требования. По ее мнению, законы Соединенных Штатов применяются к определенному кругу компаний и разрабатываются специально для определенных целей.

Что касается претензий Ирана по пункту 2 статьи IV, то судья ad hoc Баркетт отмечает, что наложение ареста для выполнения законно вынесенного решения о присуждении денежной суммы не равносильно экспроприации. Она

обращает внимание на то, что понимание Судом понятия судебной экспроприации ничем не подкреплено. С учетом того, что, как указывает судья *ad hoc* Баркетт, в ходе внутреннего разбирательства не было допущено нарушений надлежащей правовой процедуры, единственным основанием для удовлетворения претензии Ирана об экспроприации является вывод Суда о необоснованности принятых мер в соответствии с пунктом 1 статьи IV.

Наконец, судья *ad hoc* Баркетт заявляет в отношении претензии Ирана по пункту 1 статьи X, что принятые Соединенными Штатами меры не связаны или слишком слабо связаны с торговыми отношениями между Сторонами.

Особое мнение судьи *ad hoc* Момтаза

Судья *ad hoc* Момтаз проголосовал против подпункта 1 Решения, в котором Суд принимает возражение против юрисдикции, выдвинутое Соединенными Штатами Америки в связи с банком «Маркази». Судья *ad hoc* Момтаз считает, что Суд, заключив исходя из критерия цели, что деятельность банка «Маркази» носит не коммерческий, а суверенный характер, не принял во внимание примат критерия характера сделки в соответствии с нормами обычного международного права и своей собственной практикой и вместо этого предпочел импровизировать. В этой связи судья *ad hoc* подчеркивает, что в Конвенции Организации Объединенных Наций о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности от 2 декабря 2004 года устанавливается примат критерия природы сделки. Судья *ad hoc* Момтаз далее подчеркивает, что с учетом объекта и цели Договора о дружбе, указанных в статье 1, а именно: «[в] отношениях между Соединенными Штатами Америки и Ираном устанавливается крепкий и прочный мир и искренняя дружба», этот Договор не является простым коммерческим соглашением. Он ссылается на пример из практики Суда, в котором подчеркивается, что «статья 1 должна рассматриваться как устанавливающая цель, в свете которой должны толковаться и применяться другие договорные положения» (*Нефтяные платформы (Исламская Республика Иран против Соединенных Штатов Америки)*, *предварительное возражение, решение, I.C.J. Reports 1996 (II)*, p. 814, para. 28, and p. 820, para. 52). По мнению судьи *ad hoc* Момтаза, статью 1 можно рассматривать как подспорье для толкования Договора о дружбе. Он заключает, что Суд при толковании статей III, IV и V Договора должен был следовать своим собственным указаниям.